

Теология

Научная статья

УДК 21

DOI: 10.26907/2619-1261.2022.5.3.88-106

Научно-исследовательская деятельность теолога как особый вид поклонения всевышнему

Татьяна Евгеньевна Седанкина

Российский исламский институт, Казань, Россия

tatiana-svetlaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5241-6479>

Аннотация. В представленной статье предпринята попытка рассмотрения научной деятельности теолога в качестве особого вида сакрального действия, ввиду уникальности предмета теологического исследования, что, несомненно, является серьезным мотивирующим фактором. Достижению смещения ценностного вектора в сторону «сакрального», способствующему сакрализации повседневности, позволяет процесс метанойи («умоперемены»), играющей ключевую роль в формировании особого типа мировоззрения теолога-исследователя, заключающегося в сочетании знаний своей религиозной традиции со знаниями светских наук; рациональном осмыслении сакральных феноменов в сочетании с элементами иррационального (сверхрационального), с допущением «интеллектуальной интуиции; когнитивной и духовной смелости в осуществлении попыток познания непознаваемого, интерпретации неинтерпретируемого, выходе за рамки привычного смысла, но открывающего смыслы иного порядка; развитии способности к внутренней глубинной рефлексии посредством преодоления интеллектуальных, психологических и религиозно-догматических барьеров; в стремлении изучения вопросов и поиска ответов, предполагающих выход из зоны комфорта в связи со столкновением со своей внутренней сущностью. В статье отмечается, что далеко не каждый теолог стремится к «умоперемене», ограничиваясь готовыми религиозными знаниями, не допуская возможности их самостоятельного осмысления, что зачастую приводит к отрицанию самой возможности углубленного изучения богословских вопросов. В данном случае исследовательская деятельность не сакрализуется, т.е. не рассматривается в качестве особого вида поклонения, а потому ее мотивация ограничивается лишь внешними стимулами. Те же немногие, осознанно ступившие на непростой путь теолога-исследователя, начинают в полной мере испытывать на себе влияние умоперемены, сопровождающейся состоянием предельного отчаяния

от невозможности постичь непостижимое до экстатической радости постижения того, что ранее казалось недостижимым, рождающим особую психическую энергию, стимулирующую к полной реализации заложенного потенциала.

Ключевые слова: теолог-исследователь; теологическое мышление; метафизическое знание; умоперемена (метанойя); сакральное в повседневном; предельное отчаяние; экстатическая радость

Для цитирования: Седанкина Т. Е. Научно-исследовательская деятельность теолога как особый вид поклонения всевышнему // Арабистика Евразии. 2022. т. 5 № 3. С. 88–106. DOI: 10.26907/2619-1261.2022.5.3.88-106

Theology

Original article

The theologian's research activity as a special kind of worship of the almighty

Tatiana E. Sedankina

Russian Islamic Institute, Kazan, Russian Federation

tatiana-svetlaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5241-6479>

Abstract. In the present article an attempt is made to consider scientific activity of a theologian as a special kind of sacral action, due to the uniqueness of the subject of theological research, which is undoubtedly a serious motivating factor. Achieving a shift of the value vector towards “sacred”, contributing to the sacralization of everyday life, allows the process of metanoia (“mindfulness”), playing a key role in the formation of a special type of theologian-researcher worldview, consisting in combining knowledge of his religious tradition with knowledge of secular sciences; rational understanding of sacred phenomena combined with elements of irrational (super-rational), with the assumption of “intellectual intuition”; cognitive and spiritual courage in the implementation of attempts to cognize the unknowable, the interpretation of the uninterpretable, going beyond the familiar meaning, but discovering the meanings of a different order; the development of the ability to internal deep reflection by overcoming the intellectual, psychological and religious-dogmatic barriers; in the desire to explore the questions and find answers that involve leaving the comfort zone in connection with the encounter with his inner essence. The article points out that not every theologian strives for “umo-peremena”, limiting

himself to ready-made religious knowledge and not allowing the possibility of independent reflection, which often leads to the denial of the very possibility of in-depth study of theological issues. In this case, research activity is not sacralized, i.e. it is not seen as a special kind of worship, and therefore its motivation is limited to external stimuli. Those few who have consciously stepped on the difficult path of the theological researcher begin to fully experience the influence of an umopemania accompanied by a state of utmost despair from the inability to comprehend the incomprehensible to the ecstatic joy of comprehending what previously seemed unattainable, generating a special mental energy stimulating the full realization of the inherent potential.

Keywords: theologian-researcher; theological thinking; metaphysical knowledge; mindfulness (metanoia); the sacred in the everyday; ultimate despair; ecstatic joy

For citation: Sedankina T. E. The theologian's research activity as a special kind of worship of the almighty. *Eurasian Arabic Studies*. 2022;5(3):88-106. (In Russ.). DOI: 10.26907/2619-1261.2022.5.3.88-106

Введение

В настоящее время особенно актуальным становится вопрос «о мотиве и стремлении жить, реализовывать свой потенциал, искать и находить предельные смыслы и внутренний источник жизни в себе». Этот вопрос касается как светского человека, либо «истощенного» экзистенциальным вакуумом, либо «пресыщенного» мирскими радостями, так и человека религиозного, почерпнувшего знаний из религиозных книг, но не удовлетворенного достигнутым, продолжающегося стремиться к постижению предельных смыслов посредством саморазвития и самообразования, направленного на более глубокое осмысление прочитанного. Данная категория людей, обладающих особым типом «когнитивной направленности», выражающейся в «поисковом познавательном характере мышления» [1, с. 22], как раз и являются потенциальными (реальными) теологами-исследователями – носителями особого типа мышления – мышления теологического, заключающегося в:

- сочетании знаний своей религиозной традиции со знаниями светских наук, анализ и интерпретация которых осуществляется с позиции носителя особых религиозных смыслов, заключенных в духе традиции;

- рациональном осмыслении сакральных феноменов в сочетании с элементами иррационального (сверхрационального), с допущением «интеллектуальной интуиции, благодаря ей только и возможно достижение истинно *метафизического знания*» [2, с. 49];
- «устремлении к непознанному посредством наличествующего знания и знания интуитивного; когнитивной и духовной смелости в осуществлении попыток познания непознаваемого, интерпретации неинтерпретируемого, выходе за рамки привычного смысла, но открывающего смыслы иного порядка» [3, с.155; 179];
- «развитии способности к внутренней глубинной рефлексии посредством преодоления интеллектуальных, психологических и религиозно-догматических барьеров; в стремлении изучения вопросов и поиска ответов, предполагающих выход из зоны комфорта в связи со столкновением со своей внутренней сущностью» [4, с. 983].

Несомненно, основным источником мотивации к исследовательской деятельности теолога должны стать не внешние стимулы, а *«внутренняя устремленность к познанию Бога. «Выбор-к-Ты», «усилие-к-Ты», обладающему отличной волей и не понимаемому до конца человеком, но способствующему прохождению пути «от Я к сверх-Я»* [5, с. 54], посредством приближения к постижению предельных смыслов, несмотря на осознание, что полного обретения предельного не представляется возможным. Принятие собственной когнитивной ограниченности с одновременным стремлением к постижению горизонтов возможного, расширяет эти горизонты до ранее казавшимся невозможным — таков путь искателя сакральных истин, путь теолога-исследователя, предполагающий некий переворот сознания. Несмотря на то, что верующий человек (а именно таковым и является теолог, находясь внутри определенной религиозной традиции) уже является «человеком не от мира сего», теолог-исследователь становится «не от мира сего» дважды. То есть, в сознании теолога не только смещаются акценты внимания с мира бренного на мир горний, что является первым «разворотом», на чем многие верующие и останавливаются, но и осуществляется второй «дерзновенный разворот» сознания в сторону постижения сакральных глубин, что на наш взгляд и является путем теолога-исследователя.

Материалы и методы исследования

Идея «перемены ума», способствующая взглянуть на исследовательский процесс теолога как на особый вид поклонения, тем самым принося элементы сакральности в научную деятельность, присутствует в традиционных религиях, а также рассматривается в рамках философии, психологии, психиатрии и образования – научной (теологической) деятельности. Анализ философско-герменевтических традиций христианства и ислама, исследований философов и психологов, а также идей философов-традиционалистов позволяет заключить, что метанойя как перемена ума, смещающая точку зрения за пределы привычных смыслов, способствует смотрению на мир через призму сакрального, благоприятствуя возвращению сакрального в повседневность.

Результаты

1. Метанойя в религиозной мысли.

Как в христианской, так и в исламской религиях наличествует идея разворота ума в сердце, которая получила название «Метанойя», что с греческого языка переводится как «умоперемена», «изменение ума», представляя собой двусоставное слово, где: частица «Мета» означает трансформацию, перенос, «выход за пределы», а существительное «нойя» (Ноус – Нюс) – «ум» [6].

«Метанойя является первым и главным условием христианского подвига аскезы» [7, с. 22], – отмечает Диякон Святослав (Елисеев), изучающий феноменологическую и философскую герменевтику исихастского опыта, подтверждая свою мысль словами Феофана Затворника: «Семя этому деланию положено в обращении... очи ума нужно иметь обращенными к Богу – в этом состоит исходное начало» [8, с. 69; 87]. Согласно С. А. Елисееву, результатом метанойи является «образование особого энергийного бытия человека, направленного на возможность общения с Богом» [7, с. 22].

Подобную идею находим в суфийской коммуникативистике, где «основой психической энергии является разворот фокуса внимания от себя к Другому, к Ты. Эта энергия дает способность реализовать свой потенциал, «превратившись из неблагородного металла в золото» [5, с. 57]. Идея «Алхимия души» приводится в книге Аль-Газали «Элексир счастья» [9], в которой средневековый мусульманский мыслитель акцентирует внимание на важность трансформации человека из «железа в золото» посредством внутреннего преобразования («химической реакции внутри человека»), способствующего проживанию наполненной,

осмысленной жизни, дающей ощущение счастья – «счастья открытости Другому, ощущение постоянной близости к Богу, несмотря на невозможность Его вообразить» [5, с. 57]. Идеи суфизма, рассматриваемые А. М. Кангиевой сквозь коммуникативно-философскую парадигму, дают ответы на вопросы о внутреннем источнике жизни, о мотивах реализации потенциала, направленного на поиск предельных смыслов [5, с. 55–56]. Исследователь, опираясь на исследования арабских и турецких мыслителей, пишет: «Источник этой мотивации – это сердце Другого, пророка, сердце «не-Я», обращаясь к которому неутилитарно и бескорыстно, с полным вниманием и вчувствованием, человек получает доступ к своей силе» [5, с. 56]. «Человек – некий провод, в котором течет электрический ток – энергия его выбора. Его выбор, взор ока сердца, обращенный от себя – вовне, позволяет этому «току» течь, делает человека осознанно коммуницирующим, выходящим за границы своего «Я» благодаря свойству открытости» [5, с. 57].

2. Метанойя в социальной сфере как фактор возвращению сакрального в повседневность.

Помимо религиозных концепций, вопросу метанойи, как пути «от себя к себе» немалое внимание уделяется в философской феноменологии, экзистенциальной философии и философской психиатрии, где данный процесс рассматривается как «союз экстатической радости и радикального отчаяния», проживаемый через выход за пределы своего «я», поворот к собственному опыту» [10, с. 81], активное открытие себя миру, итогом чего возможно достижение особого трансцендентного состояния, хотя и посредством значительных самопреодолений. «Этот союз радости и отчаянья является неременным условием дальнейших изменений. Это единственная возможность «великого освобождения». Но это освобождение проходит через тягчайшее и невыносимое переживание разрыва, пограничной полосы между бытием и небытием. «Метанойя – перерождение посредством ничтожения – пограничная полоса на пути обретения истинного существования. Ничтожение превратилось из возможности в необходимость, из философской категории в терапевтическую и, главным образом, в социальную стратегию» [10, с. 82].

Как отмечает Г. А. Новичкова, «личное самоусовершенствование, обретаемое посредством умоперемены, способствует более ответственному отношению к труду, содействуя лучшей самоорганизации за счет видения своей деятельности не просто инструментальной, но в качестве сакральной, причем не в религиозном,

а социологическом значении: люди или объекты ценны не только своей полезностью, но и своим творческим отношением к труду [11, с. 102].

Считаем, что метанойя («перемена ума»), способствуя смотрению на мир через призму сакрального, благоприятствует возвращению сакрального в повседневность, восстановление исконных традиционных ценностей, что «ведет к переоценке ценностей, смене ориентиров, кардинальному изменению отношения человека к труду, образованию и жизни в целом» [12, с. 218]. В данной связи вспоминаются слова философа-традиционалиста, индолога и востоковеда Ананды Кумарасвами (1877–1947), указывающего на то, что «в традиционном обществе любая, даже обыденная деятельность становится частью Пути, в таком обществе нет ничего «профанного»; противоположность чему мы наблюдаем в светском обществе, где нет ничего святого. Деятельная и созерцательная жизнь, внешний и внутренний человек, могут быть объединены в едином бытии, где оба «я» действуют сообща» [13, с. 138]. В предисловии к книге «Восток и Запад. Религия, мифология, символика, искусство» М. В. Макорович характеризует А. Кумарасвами как «человека, «смотрящего изнутри традиции глазами современного образованного человека, прекрасно знающего современный мир, вмещающая в себя ее подлинный дух» [13, с. 7]. Не это ли является одной из специфических черт мировоззрения студента-теолога, что подтверждает нашу мысль, касающуюся наличия точек соприкосновения идей философов-традиционалистов с наукой теологии, опирающейся на высшие метафизические принципы.

Несомненно, привитие студентам-теологам понимания того, что их исследовательская деятельность носит «сакральный характер», причем не только за счет творческого отношения к труду, но и в следствии специфики (уникальности) предмета теологического исследования, является серьезным мотивирующим фактором. Приближение к метанойе, «требующей переменить ум, сдвинуть точку зрения, устремляясь к «целому и предельнейшему», выходя мыслью за пределы природных понятий ума, переосмысление прежде всего непосредственного содержания жизни, способствует совершению ментального разворота, благодаря которому возможно достижение максимально возможного в уже наличном состоянии ума» [14, с. 186.]

Следует признать, что далеко не каждый человек желает как «перемены своего ума», так и достижения «максимально возможного», так как эти процессы требуют серьезной внутренней работы, которую А. М. Кангиева сравнивает с алхимическим деланием. Исследователь пишет: «Нестремление, расфокусировка, апатия,

застревание» может привести к остановке «алхимической реакции переплавки железа в золото», и тогда такой человек, может искать утешения в религиозных практиках и довольствоваться готовыми смыслами, так и оставшись «железом» [5, с. 62]. Таких «застрявших» на пути познания философ-традиционалист Рене Генон (1886–1951) называет «носителями внешней скорлупы Традиции, не подозревающими о ее внутреннем глубинном содержании» [2, с. 130], погружение в которое и является задачей теолога-исследователя, так как «остатки подлинной духовности можно найти только в религии» [2, с. 111].

В ходе «переплавки железа в золото» происходит естественный процесс, когда исследователь начинает испытывать сомнения по поводу дальнейшего движения, по поводу невозможности осознать неосознаваемое, описать неподдающееся описанию. Иногда он может почувствовать, что не выдерживает психической энергии, сопровождающей процесс постижения, останавливаясь в своих изысканиях. Отступление, утрачивание стремления к познанию запредельного, несомненно отдаляет от постижения Другого. Только смирившись с невозможностью познать запредельные смыслы, исследователь может продолжить свой «путь к Ты, к сердцу Другого, сердцу «не-Я», обращаясь к которому неутилитарно и бескорыстно, с полным вниманием и вчувствованием, человек получает доступ к своей скрытой силе» [5, с. 56], к психической энергии, движущий алхимический процесс трансформации теолога в теолога-исследователя. И в какой-то момент Другой, срывает занавесы бытия и проходит алхимическое преобразование.

Формирование мышления теолога-исследователя является «процессом своеобразного перерождения, проходящего через испытание предельным отчаянием от осознания невозможности постижения Другого во всей его полноте, но и экстатической радости постижения того, что ранее казалось невозможным» [10, с. 81].

Далее приведем размышление магистра теологии, в определенной мере испытывавшего состояние метанойи, сопровождающееся определенными переживаниями.

«Многие люди что-то ищут, будучи в настоящем бытие, поскольку беспокоятся о том, чего не знают, но подсознательно осознавая (либо веря в) обязательность будущего бытия. Когда появляется проблеск возможного ответа на вопросы, которые съедают нас изнутри не находя ответов, мы тут же цепляемся за них, будучи в надежде, что этот проблеск и есть достаточный ответ. Этот ответ, зачастую, мы идеализируем и по пути его мы

слепо начинаем двигаться. Это все происходит в некой борьбе, в которой нет победителя, т.к. то, что мы получаем, в результате приводит нас к убеждению, что это и есть истина несмотря на то, что она лишь правда или ложь. Если же это помножить на поиск духовных истин, то, получая даже крупицу ответов, каждый из нас думает, что он открыл все двери и окна жизни, при этом, в действительности, произошло лишь приоткрытие люка отдушины. Пропуская то, что ему дают, через этот маленький люк он получает иллюзию, думая при этом, что этот и есть та истина, которую он искал. Это происходит до тех пор, пока, либо человек сам, либо кто-либо извне не произведет запуск процесса трансформации. Однако, это сделать крайне затруднительно, поскольку, человек убежденно полагая, что он открыл все двери и окна жизни, перестает двигаться, а лишь осуществляет слепое следование.

Но как только он почувствует и осознает, что комната его сущности обладает большим количеством окон и дверей, через которые человек может впустить суть иных, коих большое количество вещей, в то же самое время его пронизывает внутренний взрыв. Этот взрыв приводит не к хаосу, но к порядку. Но главное, что в этот момент происходит лишь понимание – это только начало и это приводит в восторг.

А, что же дальше? Дальше упоительная неизвестность. Внутренний взрыв переходит во внешний, и он есть проявление подлинного человека, который способен переживать, ведь здесь, мы только начинаем осознавать истину, которую мы никогда не познаем, но мы уже начинаем чувствовать ее сладость» (И. М. Садыков).

В приведенном эссе четко прослеживаются возможные этапы «умоперемены»:

- стремление познать и попытки поиска ответа на волнующий вопрос;
- обнаружение ответа (его проблеска) и радость, сопровождающая обретение знания, приводящая либо к полному удовлетворению и внутреннему успокоению, ведущему к окончанию процесса познания; либо к удовлетворению частичному (временному);
- ощущение неудовлетворения, внутреннего томления, вызванного осознанием (признанием), что полученный ответ является лишь малой частью, этапом на пути; возобновление поиска ответа на вопрос, ведущего к дальнейшему продвижению по пути трансформации;
- обнаружение нового ответа (нового открытия), сопровождающегося экстатической радостью, вызванной новым постижением,

происходящим в форме озарения, внутреннего взрыва, что вновь приводит к снятию внутреннего напряжения (полного или частичного). Однако, имея опыт переживания «первичной радости», несущей за собой «внутреннее томление», не покидает ощущение, что и этот ответ может быть не окончательный, так как постижение предельного не имеет конца;

- внутренняя готовность и стремление к постановке новых (более сложных) вопросов и поиску новых (более глубоких) ответов, сопровождающиеся ощущением «упоительной неизвестности», несмотря на понимание, что это может привести к дальнейшим предельным формам отчаяния, но и как к еще более восторженным состояниям.

Как отмечает французский философ-традиционалист и исламовед Анри Корбен (1903–1978), сама постановка новых вопросов, даже если ответы и не были обнаружены в силу ограниченности человеческого разума, оправдывает затраченные на нее усилия. «Сложность и запутанность проблем, которые ставит перед собой исследователь, – вернейший признак его научного бескорыстия и доблести как ученого» [15, с. 12]. «Цель каждого подлинного исследователя состоит в том, чтобы открыть путь новым вопросам» [15, с. 181].

Ранее было замечено, что научно-исследовательский процесс теолога в идеале сопровождается радостью, что является отличным стимулом к дальнейшей деятельности. В связи с этим одной из задач педагога является раскрыть молодому исследователю особый источник интеллектуального наслаждения. «Мы не должны учить студента чувствовать; это задача «кожи», до которой приятно дотронуться. Мы должны научить искать и радоваться текстуре камня при прикосновении к нему» [13, с. 44]. (Позволим себе немного отклониться от повествования отметив, что символика камня имеет глубокие корни в разных традициях. В христианстве камень связан с именем Петра. В исламе Черный камень, воплощающий в себе небесную Каабу, вмонтирован в один из углов Каабы земной, вокруг которой совершается хадж. Философы-традиционалисты также не обошли вниманием этот символ. В книгах Э. Эвола приводятся цитаты мыслителей прошлого. Приведем некоторые из них: «Камень говорит с вами, но вам это не нужно: он взывает к вам, но вы ему не отвечаете! О вы, спящие! Что за глухота поразила ваши уши? Что за тиски сковали ваши сердца и мысли? (Kitab-el-Focul)» [16, с. 183]. «Наше тело, кое есть наш тайный камень, нельзя ни познать, ни узреть, покуда на тебя не снизошло озарение» (Захария). Священный камень является небесной первоосновой, центром традиции» [17, с. 48].

Продолжая идею «радости от соприкосновения с текстурой камня» А. Кумарасвами отмечает, что помимо чувственного удовольствия существует особый вид наслаждения от соприкосновения с внутренним – радость от понимания, иначе называемое интеллектуальным удовольствием. «Удовольствие от понимания не мешает чувственному удовольствию и не запрещает его, но включает в себя неизмеримо большее, чем можно воспринять обычным зрением. Для восприятия этой радости мы должны учиться видеть сквозь зрение, а не посредством его. Как только мы поймем произведение искусства со всех этих точек зрения одновременно, мы раз и навсегда поймем, как получить интеллектуальное удовольствие любого рода. Живое переживание как идея, живет в художнике и присутствует в его жизни до того, как он создает саму вещь и после ее создания» [13, с. 46–47]. Несмотря на то, что в приведенной цитате речь идет о художнике и произведении искусства, это ни в коей мере не отрицает сути изложенного, более того, позволяет взглянуть на исследовательскую деятельность как на искусство (особую форму научного творчества, предполагающего как рациональные, так и иррациональные способы познания), а на теолога – как на художника, сотворяющего сакральную реальность в повседневном профанном мире.

Здесь необходимо уточнить, что термин «иррациональное» рассматривается в качестве «сверхрационального». Как утверждает Генон: «Сверхрациональное» отнюдь не является синонимом «иррационального»: то, что выше разума, нисколько ему не противоположно, но попросту ускользает от него» [2, с. 424]. Допущение возможности применения сверхрационального уровня познания в теологическом исследовании способствует открытию возможности доступа к глубинным смыслам, благодаря «восстановлению контакта с живой традицией» [2, с. 33–37] посредством «сверхрассудочной, супрарациональной интеллектуальной интуиции, являющейся чистым интеллектом, представляющей собой чистую духовность, благодаря чему только и возможно достижение истинно метафизического знания [2, с. 49; 68; 71]. Генон подчеркивает, что «Сокровища «нечеловеческой» предвечной мудрости никогда не могут быть утрачены окончательно, они окружают себя непроницаемым покрывалом, таящим их от человеческих глаз и затрудняющим к ним доступ. Нечто оказалось утраченным, по крайней мере, для внешнего восприятия, нечто такое, что стремящийся к истинному знанию должен отыскать заново» [2, с. 14]. Кто как не теолог-исследователь, совершающий внутри самого себя «умоперемену» (и здесь вопрос, он ее совершает (от слова «вершит) или метанойя вершит (совершает,

делает со-вершенным) его?) может откликнуться на данный призыв. Ответом на этот призыв можно считать предложенный первым кандидатом теологии П. В. Хондзинским «метод личностного опыта веры и жизни теолога» [18, с. 8] в качестве одного из методов теологического исследования, который был поддержан представителями традиционной богословской школы, убежденными в том, что «теология основывается на религиозном опыте, и сама не только изучает этот опыт, она и рождается, и развивается в сфере этого опыта»¹. Однако в академических кругах «метод личностного опыта веры и жизни теолога» вызвал массу критики, наиболее четко выраженной в словах М. С. Гельфанда: «Нельзя считать наукой сферу, апеллирующую к личному религиозному опыту»². В настоящее время в связи с приданием теологии статуса науки, осуществляется поиск компромисса между двумя противоположными точками зрения. Так, Д. В. Шмонин предлагает трехуровневый подход к теологии, согласно которому I уровень рассматривается как «Слово Бога» – «Горловина бесконечности», ведущая за пределы рациональности, «пространство, где обитает Бог», выходящее за рамки теологической рациональности, т.е. за рамки науки. II уровень – «ответное слово человека Богу», опыт переживания чувственной и духовной связи (опыт веры), интуиция верующего – комплекс знаний, открывающихся в вере, богооткровенная теология, мистическое/ таинственное богословие, где также о теологии как науке речь не идет. III уровень – «Слово о Боге», систематическое выражение религиозной доктрины, рассматриваемой в различных дисциплинах, рациональная теология (систематическая теология – единственный уровень, рассматриваемый в рамках науки [20].

Отметим, что от попытки нахождения компромисса между сакральным и профанным, который на данном этапе представляется наиболее оптимальным, предостерегал Генон: «Стремление примирить между собой результаты современной науки и религиозные догматы является совершенно пустым занятием» [2, с. 139]. А далее сакраментальное: «Профаническое считает себя вправе оценивать Сакральное. Низшее судит о высшем, невежество оценивает мудрость, заблуждение господствует над истиной, человеческое вытесняет божественное, земля ставит себя выше Неба. «Горе вам, слепые поводыри» – гласит Евангелие. И в самом деле сегодня повсюду мы видим лишь слепых поводырей, ведущих за собой слепое стадо. И совершенно очевидно, что, если

¹ <http://www.patriarchia.ru/db/text/1133908.html>

² <http://www.bbc.com/Russian/features-4013941>

эта процессия не будет вовремя остановлена, и те, и другие с неизбежностью свалятся в пропасть, где они все вместе безвозвратно погибнут» [2, с. 80–81].

Отрицание академической наукой применения специфических теологических методов является лишь одной из граней (сил), препятствующей обращению к области «чистого сверхрассудочного знания».

Другой гранью является негласный запрет богословского сообщества на «стремление свободного мыслителя заглянуть за непроницаемое покрывало, таящее «сокровища «нечеловеческой» предвечной мудрости» [2, с. 14]. Этот «негласный запрет» формирует как у просто религиозных людей, воспринимающих религию на уровне ритуала, так зачастую и у теологов-исследователей «страх перед тайной».

Несомненно, нельзя забывать о духовных рисках, о чем речь пойдет в дальнейшем. Однако важно осознавать разницу местоположения того, что уже за чертой, а что в поле возможности реального исследования, на что обращает внимание Генон: «Подлинная тайна состоит исключительно в ее невыразимости, ее непередаваемости, но во всякой истине трансцендентного порядка необходимо имеется и выразимая часть» [2, с. 516]. Однако, сущность человека такова, что в случае непонимания чего-то, он начинает испытывать страх, результатом которого становится отрицание, а иногда и ненависть к новому, к непонятому. «Существуют отрицания, которые сами похожи на крики ярости, таковы, например, отрицания так называемых «свободных мыслителей» по отношению ко всему тому, что относится к религии». «Ненависть к тайне, по сути, есть не что иное, как одна из форм ненависти ко всему, что превосходит «средний» уровень, и к тому, что отменяет единообразие, которое хотят навязать всем» [2, с. 517].

В ходе осуществления теологического исследования человек сталкивается с когнитивными, психологическими, религиозными тупиками, что является необходимым условием осуществления процесса внутренней трансформации, сопровождающим метанойю (умоперемену). Результат столкновения с «тупиком /барьером» может привести к двум вариантам:

- либо тупик рассматривается как конечная точка пути и тогда его преодоление не представляется возможным, в связи с чем ограничивающие установки исследователя усиливаются, становясь еще более категоричными, «человек еще более укрепляется в своей точке зрения и, как никогда раньше, утверждает в своей собственной правоте, не желая двигаться по дальнейшему пути постижения истины» [2, с. 517];

- либо и тупик рассматривается как «препятствие, которое следует преодолеть, после чего начинается новый этап духовного и интеллектуального поиска» [4, с. 994].

Завершение процесса написания исследовательской работы в идеале сопровождается двойной радостью: от интеллектуальных прозрений, приходящих в ходе самопреодолений и от наличия конечного продукта исследовательской деятельности, приносящей удовлетворение, что несомненно является реальным источником дальнейшей творящей силы теолога-исследователя.

Как видим, «в процессе написания теологического исследования происходит двуединый процесс приближения исследователя к истине посредством осуществления умоперемены (метанойи) и развитие его духовных качеств» [3, с. 156]. Рассматривая «полностью сделанное» в качестве синонима «совершенного», А. Кумарасвами пишет: «Совершенное произведение и совершенный человек совершенны одинаково; онтологически это значит, что одно и другое действительно является тем, чем оно может быть или «стало тем, что оно и есть» потенциально, и следовательно, чем ему следует стать актуально» [13, с. 50]. Вопрос о возможности достижения состояния полного совершенства остается открытым, но в данной связи довольно интересным является рассмотрение взгляда Р. Генона на человека, полностью завершившего внутреннюю реализацию (в исламской традиции аль-Инсан-аль-Камиль – человек, достигший наивысшей духовной реализации) в контексте «званных и избранных»: «Действительно избранными (элитой) являются те, кто, завершив внутреннюю реализацию, не может более поддаться соблазну. Но остаются еще и те, кто имея в себе лишь потенции знания, являются только «званными» [2, с. 134]. Позволим себе заявить, что теолога-исследователя вполне можно отнести к «званным» в силу принадлежности к религиозной традиции не только на уровне ритуала, но и внутренней устремленности и готовности к постижению глубинных метафизических смыслов. А вот шанс оказаться в числе «избранных» зависит от степени реализации заложенного потенциала и, конечно, от воли Всевышнего.

Если же относиться к теологическому исследованию как к особому виду поклонения, как к особому интеллектуально-творческому акту, то, «работа навечно становится частью нашей жизни, а сама жизнь расширяется настолько, что способна вобрать не только ожидаемое будущее, но и «живую старину» [13, с. 49].

Выводы

В представленной статье приводятся специфические черты мышления теолога-исследователя, ключевой мотивацией которого является внутренняя устремленность к познанию Бога. Выдвигается гипотеза, что для формирования теологического мировоззрения необходим удвоенный переворот сознания: во-первых, смещение акцента внимания с мира бренного на мир горний; во-вторых, направление исследовательского интереса к постижению сакральных глубин, вследствие чего осуществление расширения горизонтов познания, казавшихся недоступными ввиду когнитивной ограниченности. Второй «переворот» с некоторой долей условности можно рассматривать в качестве «умоперемены» (метанойи) – процесса (состояния), рассматриваемого в религиозной традиции (исихастской и суфийской), а также в философии, психологии, психиатрии и образовании.

В статье предпринята попытка рассмотрения роли метанойи, смещающей ценностный вектор в сторону «сакрального» в научно-исследовательской деятельности теолога, как носителя особого типа мировоззрения, что позволяет взглянуть на исследовательский процесс как на один из видов сакрального действия ввиду уникальности предмета теологического исследования, что является серьезным мотивирующим фактором для теолога.

Также делается акцент на том, что далеко не каждый теолог желает «умоперемены», осознанно или неосознанно ограничивая свою деятельность выполнением религиозных практик и довольствуясь готовыми религиозными знаниями, не допуская возможности их самостоятельного осмысления ввиду разного рода страхов, главный из которых – страх выхода из религии, что зачастую приводит к «отрицанию всего того, что превосходит средний уровень, и к тому, что отменяет единообразие» [2, с. 517]. Те немногие, кто действительно (не формально) ступает на непростой путь теолога-исследователя, осознавая (или не осознавая) духовные риски, сопровождающие этот процесс, начинают в полной мере испытывать на себе «второй переворот» – собственно умоперемену, заключающуюся в серьезной внутренней работе, направленной на «выход за пределы своего «я» [14, с. 188], «перерождение посредством ничтожения» [10, с. 82], «повороте к собственному опыту», предполагающему крайние предельные переживания радости и отчаяния от обретения и неудовлетворенности достигнутым, новых осознаний и новой жажды познания, благодаря чему и становится вероятным «достижение максимально возможного в наличном состоянии ума» [14, с. 186].

Выявлены точки соприкосновения идей философов-традиционалистов и теологов-исследователей, опирающихся на высшие метафизические принципы, направленные на восстановление и поддержание контакта с живой традицией посредством транслирования исконных традиционных ценностей и возвращения сакрального в повседневность, являясь не «носителями внешней скорлупы Традиции, страшящейся и ненавидящей все превосходящее средний уровень», но «званными и избранными» ради реализации дарованного Всевышнему потенциала, возможной благодаря метанойе.

В ходе проведенного исследования можно утверждать, что метанойя (умоперемена) играет ключевую роль в формировании мировоззрения теолога-исследователя, являясь «процессом своеобразного перерождения» [10, с. 81], осуществляющегося посредством переживания состояний предельного отчаяния от невозможности постичь непостижимое до экстатической радости постижения того, что ранее казалось недостижимым. Благодаря метанойе теолог становится «не от мира сего» дважды: сначала, смещая акценты внимания с посюстороннего мира к потустороннему, затем совершая «дерзновенный разворот» сознания в сторону постижения сакральных истин, что на наш взгляд и является путем теолога-исследователя.

В связи с вышеизложенным считаем, что исследовательская деятельность теолога представляет собой как особый вид поклонения Всевышнему, так и особый вид научного творчества, а потому теолога-исследователя можно сравнить с творцом, сотворяющим сакральную реальность в повседневном профанном мире.

Список источников

1. Карпов А. О. Социализация и исследовательское поведение научного типа // Школьные технологии. 2015. № 4. С. 21–34.
2. Генон Р. Кризис современного мира. М.: Эксмо, 2008. 784 с.
3. Седанкина Т. Е. Теоцентрическая модель воспитания студента направления 48.04.01 Теология, профиль «исламская теология» // Теология и образование 2021. Ежегодник Научно-образовательной теологической ассоциации. М.: Изд-во РАНХиГС. 2022. С.144–183.
4. Седанкина Т. Е. Презентация авторского курса «Духовно-ориентированная педагогика и психология. // Minbar. Islamic Studies. 2020. Т. 13. № 4. С. 980–998.
5. Кангиева А. М. Суфийская коммуникативистика как «Алхимия души» (на примере источников Крымского ханства) // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2020. № 9. С. 54–64.

6. Онтоаналитика патосов. С. 40–42 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psihdocs.ru/ontoanalitika-patosov.html?page=32> Дата обращения: 29.05.2022.
7. Елисеев С. А. (диакон Святослав) Внутренний органон: экспозиция, квалификация и верификация духовного опыта в православной традиции // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2021. Т. 10. №1. С. 22–32.
8. Феофан Затворник, епископ. «Умное делание о молитве Иисусовой. (Сборник поучений св. отцов и опытных ее делателей)» / составил игумен Валаамского монастыря Харитон. Изд. 3-е. М., 1992. 233 с.
9. Аль-Газали А. Х. Кимий а-й и са'адат [Эликсир счастья]. Часть 1: 'Унваны 1-4. Рукн 1. Хисматулин А. А. (Пер. с перс., вступ. ст., коммент. и указ.). М.: Издательство «Ихлас»; 2011. 464 с.
10. Власова О. А. Опыт безумия и ничтожение бытия: от экзистенциальной философии к экзистенциально-феноменологической психиатрии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2008. Т. 14, № 3. С. 74–82.
11. Новичкова Г. А. Философское обоснование труда // Теория и практика общественного развития. 2015. № 5. С. 95–104.
12. Годова М., Маслова А. В. Мистические традиции в духовной культуре Запада и Востока // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. № 5. С. 215–223.
13. Кумарасвами А. К. Восток и Запад. Религия, мифология, символика, искусство; [пер. с англ.: М. В. Макович]. М.: Беловодье; 2018. 184 с.
14. Иванов О. Е. Об интеллектуальных приоритетах в христианстве // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. № 2. С. 176–197.
15. Корбен А. Световой человек в иранском суфизме. Пер. с франц. Ю. Стефанова / предисл. Я. Эшотс. М.: «Фонд исследований исламской культура», «Волшебная Гора», «Дизайн. Информация Картография»; 2009. 237 с.
16. Эвола Ю. Мистерия Грааля. Воронеж: Terra Foliata, 2013. 216 с.
17. Эвола Ю. Восстание против современного мира. [пер. Д. Зеленцова]. М.: Прометей, 2016. 476 с.
18. Хондзинский П. В. Разрешение проблем русского богословия XVIII века в синтезе Святителя Филарета, митрополита Московского: автореф. Дис. ... канд. фил. наук. М., 2017. 25 с.
19. Шмонин Д. В. Тайна ответа: введение в рациональную теологию: монография. СПб.: Изд-во СПб ПДА: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 460 с.

References

1. Karpov A. O. Socializaciya i issledovatel'skoe povedenie nauchnogo tipa [Socialization and research behavior of scientific type]. *Shkol'nye tehnologii*. 2015;(4):21–34. (In Russ).
2. Guenon R. *Krizis sovremennogo mira* [The crisis of the modern world]. M.: Eksmo; 2008. 784 p. (In Russ).
3. Sedankina T. E. Teocentricheskaja model' vospitaniya studenta napravlenija 48.04.01 Teologija, profil' «islamskaja teologija» [Theocentric model of student education in the field of 48.04.01 Theology, profile “Islamic theology”] // *Teologija i obrazovanie* 2021. *Ezhegodnik Nauchno-obrazovatel'noj teologičeskoj asociacii*. 2022:144–183. (In Russ).
4. Sedankina T. E. Prezentacija avtorskogo kursa “Duhovno-orientirovannaja pedagogika i psihologija” [Presentation of the author's course “Spiritually Guided Pedagogy and Psychology”]. *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(4):980–998. (In Russ).
5. Kangieva A. M. Sufijskaja kommunikativistika kak “Alximiya dushi” (na primere istochnikov Kry'mskogo xanstva [Sufi communication studies as “Alchemy of the soul” (on the example of the sources of the Crimean Khanate)]. *Voprosy krymskotatarskoj filologii, istorii i kul'tury*. 2020;(9):54–64. (In Russ).
6. Ontoanalitika patosov. [Ontoanalytics of Pathos]. Pp. 40–42. URL: <http://www.psihdocs.ru/ontoanalitika-patosov.html?page=32> [Accessed: 29 May 2022]. (In Russ).
7. Eliseev S. A. (Deacon Svyatoslav) Vnutrennij organon: e'kspoziciya, kvalifikaciya i verifikaciya duxovnogo opy'ta v pravoslavnoj tradicii [Internal organon: exposition, qualification and verification of spiritual experience in the Orthodox tradition]. *Vestnik Omskoj pravoslavnoj duhovnoj seminarii*. 2021;10(1):22–32. (In Russ).
8. Feofan Zatvornik, episkop. Umnoe delanie o molitve Iisusovoj. (Sbornik pouchenij sv. otcov i opytnyh ee delatelej) [An Intelligent Work on the Prayer of Jesus. (A Collection of the Teachings of the Fathers and the Experienced Doctors of Jesus Prayer)]. / sostavil igumen Valaamskogo monastyrja Hariton. Izd. 3-e. M., 1992. 233 p. (In Russ).
9. Al'-Gazali A. H. Kimij a-j i sa'ada [Elixir of Happiness] Part 1: ‘Unvany 1-4. Rukn 1. Hismatulin A. A. (tr. from Pers.). M.: Izdatel'stvo «Ihlas»; 2011. 464 p. (In Russ).

10. Vlasova O. A. Opy't bezumiya i nichtozhenie by'tiya: ot e'kzistencial'noj filosofii k e'kzistencial'no-fenomenologicheskoy psixiatrii [The experience of madness and the nothingness of being: from existential philosophy to existential-phenomenological psychiatry]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*. 2008;14(3):74–82. (In Russ).
11. Novichkova G. A. Filosofskoe obosnovanie truda [Philosophical substantiation of labor]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya*. 2015;(5):95–104. (In Russ).
12. Godava M., Maslova A. V. Misticheskie tradicii v duxovnoj kul'ture Zapada i Vostoka [Mystical traditions in the spiritual culture of the West and East]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*. 2018;(5):215–223. (In Russ).
13. Kumarasvymi A. K. Vostok i Zapad. Religija, mifologija, simbolika, iskusstvo [The East and the West. Religion, mythology, symbolism, art]. [tr. from Eng.: M.V. Makovich]. M.: Belovodie; 2018. 184 p. (In Russ).
14. Ivanov O. E. Ob intellektual'ny'x prioritetax v xristianstve [On intellectual priorities in Christianity]. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnej akademii*. 2015;16(2):176–197. (In Russ).
15. Korben A. Svetovoj chelovek v iranskom sufizme [The Light Man in Iranian Sufism]. (Tr. from Fr. Ju. Stefanova / predisl. Ja. Jeshots). M.: "Fond issledovanij islamskoj kul'tura", "Volshebnaia Gora", "Dizajn. Informacija Kartografija"; 2009. 237 p. (In Russ).
16. Jevola Ju. Misterija Graalja [The Grail Mystery]. Voronezh: Terra Foliat; 2013. 216 p. (In Russ).
17. Jevola Ju. Vosstanie protiv sovremennogo mira [Rebellion against the Modern World]. M.: Prometej; 2016. 476 p. (In Russ).
18. Khondzinsky P. V. Razreshenie problem russkogo bogoslovija XVIII veka v sinteze Svjatitelja Filareta, mitropolita Moskovskogo [Resolution of the problems of Russian theology of the 18th century in the synthesis of St. Philaret, Metropolitan of Moscow]. Thesis Diss. Cand. Phil. Sci. Moscow; 2017. 25 p. (In Russ).
19. Shmonin D. V. Tajna otveta: vvedenie v racional'nuju teologiju: monografija [The Mystery of the Answer: An Introduction to Rational Theology: A Monograph]. SPb.: Izd-vo SPb PDA: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena; 2021. 460 p. (In Russ).

Информация об авторе

Седанкина Татьяна Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой систематической теологии ЧУВО

Information about the author

Tatyana Ev. Sedankina – Ph.D (Pedag.), Associate Professor, head of the Department of systematic theology of the Russian Islamic Institute;

Российского исламского института; <https://orcid.org/0000-0001-5241-6479>,
[https://orcid.org/0000-0001-5241-](https://orcid.org/0000-0001-5241-6479) e-mail: tatiana-svetlaya@mail.ru
6479, e-mail: tatiana-svetlaya@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.07.2022; одобрена после рецензирования 06.08.2022; принята к публикации 09.08.2022.

The article was submitted 30.07.2022; approved after reviewing 06.08.2022; accepted for publication 09.08.2022.

Раскрытие информации о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure: The author declares Conflicts of Interest Disclosure.